

УДК 811.161.1'37 (045)

Чернышова Людмила Васильевна
кандидат филологических наук, доцент
кафедра славянских языков
Минский государственный лингвистический
университет
Минск, Беларусь
cherny0101@tut.by

Chernyshova Liudmila
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor
Department of Slavonic Languages
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus

РУССКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИИ ГНЕВА
(на материале синонимического ряда с доминантой *сердиться*)

Слова и устойчивые выражения, входящие в синонимический ряд с доминантой *сердитый* и используемые для описания и обозначения гнева в русском языке, в статье были проанализированы и структурированы с точки зрения когнитивной модели гнева, скрытой в семантике языка. Выявлению особенностей концептуализации способствовал анализ этимологии членов синонимического ряда, метафора.

Ключевые слова: концептуализация, концепт, метафора, эмоциональное состояние (ЭС), базовые эмоции, гнев.

RUSSIAN CONCEPTUALIZATION OF THE EMOTION OF ANGER (on the base of synonymic chain with the dominant *angry*)

Words and set expressions included into the synonymic chain with the dominant *angry* and used for describing and naming anger in Russian were analyzed and structured from the point of view of cognitive language model that is hidden in the language semantics. The analysis of the synonymic chain etymology, metaphor promoted revealing the peculiarities of conceptualization.

Keywords: conceptualization, concept, metaphor, emotional state, basic emotion, anger.

По чисто лингвистическому определению синонимы в основных значениях указывают на одно понятие, однако мы рассмотрим их с позиции ономазиологии, которая изучает, *что* обозначается, в отличие от номинации, исследующей *как* обозначается. Таким образом, за ономазиологией остается *концептуализация* – это осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию представлений о мире в виде концептов, в нашем случае, концепта *гнева*, составляющими которого являются смыслы членов синонимического ряда с доминантой *сердитый*.

Структура концепта детально описана Ю. С. Степановым [1]. Он выделяет три компонента, три «слоя», наиболее древний из которых – внутренняя форма или *этимология*. Развитие семантики в основном базируется на *метафоре*. В нашей статье мы сосредоточимся именно на этимологии, так как внутренняя форма языка – это выражение «народного духа», его культуры (В. Гумбольдт), а запечатленная во внешней, словесной форме история номинации обычно не осознается носителями языка, является имплицитной и открывается лишь исследователям.

Одно из основных различий между эмоциональными состояниями (ЭС) проходит по признаку *интенсивности*, на котором основаны некоторые классификации: эмоции и аффекты, «спокойные» и «бурные» эмоции. К «спокойным» или «слабым» обычно относят удовольствие и наслаждение; к «бурным» – гнев, ярость, ужас. Нормативным ЭС считается *спокойствие*, другие представляют собой отклонения от него.

Прежде всего, отметим, что для интересующей нас эмоции ближайшим нормативным состоянием является *терпение*, которое характеризуется уже некоторым напряжением. Согласно словарям *терпение* – это «1. Способность терпеть; 2. Настойчивость, упорство и выдержка в каком-нибудь деле, работе» [2, с. 707]. То есть переход от нормы (спокойствия) к гневу (потере спокойствия, эмоции) выглядит так: *спокойствие* (норма) → *терпение* → *сердиться*, *злиться*, *гневаться*, *терять терпение*, *выходить из терпения*, *вывести из терпения*, *выразить нетерпение*, *терпение лопнуло*. Примеры показывают, что интенсивность отражается в лексике и семантике фразеологизмов.

Рассмотрим этимологию членов синонимического ряда, возглавляемого в русском языке доминантой *сердитый* или *сердиться*, не исключая входящую в него фразеологию [3; 4; 5].

Глагол *сердиться*, стоящий во главе синонимического ряда, по лексикографическим источникам, несет семантику ‘быть в раздражении, гневе, чувствовать злобу к кому-нибудь’ [2]. Он восходит к существительному *сердце* (общеславянский корень *serd*, индоевропейское *kerd*). Некоторые этимологи предполагают, что происхождение слова *сердце* связано с литовским *sirda* ‘ссора’. По представлениям древних, сердце – не только центр любви и дружбы, но такжеместилище гнева, ярости. Отсюда изначальное значение *сьрдь* – гнев, позже – сердце, а прилагательное *сьрдитый* – гневный, злой [6].

Как утверждают многие исследования, контейнером (по терминологии Дж. Лакоффа и М. Джонсона [7]) для чувств и эмоций в русском понимании является сердце, но касательно гнева можно предполагать, что со временем концептуализация изменилась: он из области сердца переместился в голову – обитель мыслей. Это отразилось в языке (*гнев ударил в голову*), образовался омоним и новое словообразовательное гнездо (*сердитый, сердиться*). Эта сема проявлена в некоторых устаревших фразеологических единицах *держатъ сердце* (на кого-либо) – сердиться, таить злобу и *приходитъ в сердце* – рассердиться. Представления о корреляции сердца и гнева стали неактуальными. Сейчас сердце неизменно соотносится с добром и любовью.

Гнев как эмоция имеет знак «–», различные степени интенсивности и может доходить до аффекта, состояния, когда субъект теряет контроль над его проявлениями. Приведем примеры, подтверждающие это положение.

По данным словаря М. Фасмера, *гнев* – это общеславянское слово, образованное от той же основы, что и *гниль* [8]. Развитие значения шло таким образом: *гниение, гниль, гной, яд, злоба*. Получается, что *гневатся, держатъ гнев* – значит вырабатывать в себе яд, отраву и негативно воздействовать им на окружающих. Происхождение других лексем синонимического ряда с доминантой *сердитый, сердиться* и фразеология, описывающая это ЭС, позволяет проследить степени его интенсивности и эксплицитировать отрицательные коннотации.

Лексемы *злой, злиться* свидетельствуют, что гнев связан со *злом* (по М. Фасмеру – ‘черствый, бесчеловечный, надоедливый, наглый, грубый, фальшивый’). Они восходят к праславянскому **zъlъ* – плохой. Установлено, что слово заимствовано из старославянского, где *зло* – беда, грех [8].

В современных языковых единицах *злиться, злой, злобный, злобствовать, злобиться, озлобляться, как на зло, со зла, испытывать злость, держатъ зло, зло берет, таить злобу* и т.п. негация имплицитна, однако эксплицитна корреляция с представителями зла: *сатанеть* (сатана), *беситься, бесноваться* (бес), *злой как черт* (черт), *злая как змея* (змея).

Лексика и фразеология свидетельствуют, что гнев связан с жесткостью, жестокостью. Эту сему эксплицируют лексемы *ожесточаться* (корень *жест-*) и *лютый*, *лютовать*, восходящие к индоевропейскому **lei* – камень, скала.

Глагол *стервенеть* образован от *стерва* (по В. Далю –дохлая, палая скотина, то есть падаль, гниющее мясо) [9, с. 623–624]. О первоначальном значении нам напоминает номинация *стервятник* – хищная птица, питающаяся падалью.

Агрессия, сопровождающая гнев, легла в основу зоометафор, что, на наш взгляд, мотивировано необходимостью добывать пропитание охотой, изучением повадок диких зверей: *зверь*, *зверина*, *звереть*, *щетиниться*, *фыркать*, *шипеть*, *быть в бешенстве*, *приходить в бешенство*, *метать икру*, *остричь когти*, *иметь зуб*, *точить зубы*.

Концептуализация гнева, злобы связана с силой и ее проявлениями, например, в виде огня. Существует предположение о санскритском происхождении корня *-gn-* в слове *гнев* и соотношении с *agni* в значении ‘огонь’ (<https://nandzed.livejournal.com>).

В языковом материале частотны метафоры, основанные на повышении температуры и даже возникновении пламени в состоянии раздражения, агрессии, аффекта: *горячиться*, *распалаться*, *вспылить*, *вспыхнуть*, *пылать гневом*, *доходить (доводить) до белого каления*, *до белой горячки*. Эмоции и чувства представляются в виде жидкостей, заполняющих тело-контейнер, их интенсивность соответствует температуре. С увеличением раздражительности, злобы, гнева она повышается, жидкость может доходить до кипения (*кипеть*, *кипятиться*, *кипеть гневом*).

Следует отметить, что такая концептуализация может касаться некоторых других эмоций и чувств (*горячая любовь*, *жгучая ненависть* и т.д.), в то время как некоторые из них температуру понижают (*леденящий страх*, *похолодеть от ужаса*).

С корреляцией *гнев – огонь*, *сила* связаны русские лексемы с корнем *-яр-*: *яриться*, *разъяриться*. Этимологи связывают их с греческим словом ζῆρος – огненный, сильный, несмешанный, крепкий, неразведенное вино [4].

Синоним *свирепый* мотивируется литовским *suirpti*, *suirpstu* (содрогаться, ужасаться) от *suirpas* (ужас, страх), а *бушевать* – старославянским *боуи* – дикий, буйный, помешанный (ср. *приходить в бешенство*). Некоторые лингвисты утверждают, что глагол *бушевать* обусловлен издаваемым при актах агрессии шумом.

Языковой материал содержит метафору *гнев – гроза* и связанные с ней природные явления. Опять же отмечаем в номинациях проявление степени интенсивности ЭС: *грозный*, *хмуриться* (от *темный*, *сумрак*, *туча*), *возмущаться* (от *мутить*), *метать перуны*, *метать громы и молнии*.

Для описания состояния гнева часто употребляются выражения со значением ‘утратить рассудок’. Этимология указывает на корреляцию эмоции

гнева с изменением нормального состояния, 'гнев, злоба – потеря ума'. Эта сема эксплицирована в многочисленных разговорных и жаргонных выражениях: *не помнить себя* (от гнева), *крыша поехала, съехать с катушек, лезть на стену, срываться с тормозов* и т.п.

Эмоции по сути невербальны, они проявляются в таких компонентах коммуникации, как мимика, жесты, интонация и т.п. Языковой материал позволяет представить образ гневающегося человека. Его отличает, во-первых, взгляд: *смотреть косо*, нахмуренные брови: *хмуриться*, цвет лица: *побагроветь, побелеть от злости, позеленеть от злости*, издаваемые звуки: *шипеть, фыркать*. Он выходит за рамки общепринятых правил поведения: *необузданный, несдержанный, неистовый* (от *истовый* 'настоящий, истинный'), *встать с левой (не с той) ноги*.

Аффективное состояние гнева часто сопровождают различные нелогичные, наступательные и деструктивные действия: *агрессивный, проявлять агрессию, воинствующий, рвать и метать, точить нож, лезть на стену* и т.п. Чувство злости при высокой интенсивности проявления – гнева может раздувать лицо, губы, все тело (контейнер): *дуться, надуться, надуться как мышь на крупу, надуться как индюк, надуть губы, взорваться, лопаться от злости*.

Таким образом, внутренняя форма концепта *гнев*, заложенная в этимологии синонимов, содержит отрицательную характеристику эмоции и следующие компоненты (в порядке нарастания интенсивности): возбуждение, беспокойство, досада, раздражительность, негодование, злоба, ярость, бешенство, безумие.

Фактический материал свидетельствует, что метафора контейнера отчетливо реализуется в выражениях с глаголами *выходить* и *приходить*. Состояние гнева предполагает выход из себя, из тела: *выйти из себя, быть вне себя* или из менее эмоционального состояния: *выходить из терпения* и переходить в состояние напряжения, аффекта: *приходить в состояние раздражительности, приходить в бешенство, приходить в ярость*, другое пространство: *лезть в бутылку (пузырь)*. В выражении *быть не в духе* проявлена та же сема 'быть не в себе', отсутствовать в своем теле. Устаревшее устойчивое русское сочетание *приходить в сердце* – 'рассердиться' стало функционально пассивным с изменением концептуализации: перемещением гнева из сердца в голову.

Таким образом, современная русская концептуализация злости, гнева значительно отличается от первоначальной. Анна Вежбицкая предложила следующий современный когнитивный сценарий, связанный с глаголом *сердиться*: «1. Этот человек сделал нечто плохое; 2. Я этого не хочу; 3. Из-за этого я хочу что-то сделать с этим человеком» [10, с. 520]. В нем гнев представлен как объект, субъект – Я.

Первоначальный когнитивный сценарий связан с гневом-субъектом: это яд, отравы, огонь, нечто очень сильное, угрожающее самому гневающемуся большими утратами вплоть до потери жизни. Основными концептуальными метафорами в языке являются метафоры *гнев – сила*, *гнев – опасное животное*, *температурная метафора*, *метафора контейнера*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Степанов, Ю.* Константы : словарь русской культуры / Ю. Степанов. – М. : Академ. проект, 2001. – 450 с.
2. *Ожегов, С. И.* Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Рус. яз., 1984. – 816 с.
3. *Александрова, З. Е.* Словарь синонимов русского языка / З. Е. Александрова. – М. : Рус. яз., 2001. – 568 с.
4. *Апресян, Ю. Д.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ю. Д. Апресян. – М. : Яз. слав. культуры, 2003. – 1488 с.
5. *Бабенко, Л. Г.* Словарь синонимов русского языка / Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ, 2011. – 688 с.
6. *Семенов, А. В.* Этимологический словарь русского языка / А. В. Семенов. – М. : Юнвес, 2003. – 704 с.
7. *Лакофф, Дж.* Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 387–415.
8. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1987. – Т. 1. – 576 с.
9. *Даль, В. И.* Толковый словарь русского языка. Современная версия / В. И. Даль. – М. : Эксмо-Пресс, 2002. – 736 с.
10. *Вежбицкая, А.* Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 780 с.